

А. Ш. Кошева

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Северо-Кавказская государственная академия, г. Черкесск, Россия

Аннотация. В статье изложены промежуточные результаты исследования средств выражения эвиденциальности и митаривности в одном из тюркских языков Северного Кавказа (в карачаево-балкарском языке). В центре нашего внимания – одна из объемных языковых универсалий и ее воплощение в формах глагольных наклонений. Цель исследования – выявление и описание грамматических средств репрезентации эвиденциальных значений в исследуемом языке. Актуальность обусловлена отсутствием специальных исследований категории эвиденциальности в карачаево-балкарском языке. Категория эвиденциальности в исследуемом языке впервые описывается как языковое явление с использованием современных теоретических подходов. Основными методами являются описательный метод, метод контекстуального анализа и традиционный семасиологический подход «от формы к содержанию». В качестве источников фактического материала были использованы произведения карачаево-балкарской художественной прозы, частично фольклорные тексты и разговорная речь. Анализ практического материала позволил выделить в исследуемом языке несколько разновидностей эвиденциальных высказываний, среди которых наиболее типичными эвиденциальными значениями являются ‘очевидность / неочевидность’, ‘неожиданное обнаружение / изумление’, ‘пересказ / цитирование’. Результаты исследования могут быть использованы для создания функционального синтаксиса исследуемого языка, а также при исследовании эвиденциальности в родственных языках.

Ключевые слова: *наклонение, модальность, эвиденциальность, формы выражения, инферентив, митарив, понятийные категории, карачаево-балкарский язык.*

A. Sh. Kosheva

MANIFESTATION OF EVIDENTIALITY IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

North-Caucasian State Academy, Cherkessk, Russia

Abstract. The article presents the intermediate results of the study of the means of manifestation of evidentiality and mirativity in one of the Turkic languages of the North Caucasus (in the Karachay-Balkar language). We focus on one of the voluminous linguistic universals and its embodiment in the forms of verbal moods. The purpose of the study is to identify and describe the grammatical means of manifestation of evidential meanings in the studied language. The relevance is due to the lack of special studies of the category of evidentiality in the Karachay-Balkar language. The category of evidentiality in the studied language is described for the first time as a linguistic phenomenon using modern theoretical approaches. The main methods are the descriptive method, the method of contextual analysis and the traditional semasiological approach «from the form to the content». The sources of factual material were the works of Karachay-Balkar fiction, partly folklore texts and colloquial speech. The analysis of the practical material made it possible to single out several types of evidential statements in the studied language, among which the most typical evidential meanings are ‘obvious / non-obvious’, ‘unexpected discovery / amazement’, ‘retelling / citation’. The study results can be used to create a functional syntax of the studied language, as well as in the study of evidentiality in related languages.

Keywords: *mood, modality, evidentiality, forms of manifestation, inferentive, mirative, notional categories, Karachay-Balkar language.*

Введение. В последние десятилетия в центре внимания отечественных и зарубежных исследований находится семантический параметр высказывания, отражающий источник сообщения, – эвиденциальность.

Категория эвиденциальности выделена и описана во многих тюркских языках [1], [2], [3], [5], [12]. Несмотря на значительный интерес к явлению эвиденциальности и способам ее проявления в различных языках, в карачаево-балкарском языкознании данная категория до сих пор не получила теоретической интерпретации. Отдельные эвиденциально-миративные значения и их грамматическое выражение были рассмотрены в составе функционально-семантической категории модальности в [11]. Цель данного исследования – выявление и описание грамматических средств репрезентации эвиденциальных значений в карачаево-балкарском языке (далее – КБЯ).

Традиционно в языкознании под эвиденциальностью понимается «указание на источник информации об описываемой ситуации». «Эта категория учитывает три факта: сообщаемый факт, факт сообщения и передаваемый факт сообщения, т. е. указание на источник сведений о сообщаемом факте. Единица подобного содержания имеется в карачаево-балкарском языке» [11, с. 166].

Эвиденциальность в широком понимании обозначает чужой стиль выражения, субъективную передачи чужой речи, а также ее оценку со стороны говорящего. В современной лингвистике разработана подробная классификация эвиденциальных значений. В данной работе мы опираемся на результаты исследований многих авторитетных лингвистов, в том числе [4], [6], [8], [9], [10], [13], [14], [16], [17].

Общепринятым является выделение в рамках категории эвиденциальности значений «непосредственного восприятия» («direct evidence», в русскоязычной традиции – «прямая засвидетельствованность») и «опосредованного восприятия» («indirect evidence», «косвенная засвидетельствованность») [14, с. 89–90]. В рамках косвенной засвидетельствованности обычно выделяют цитативное (пересказывательное) и инферентивное значение (говорящий судит о ситуации по ее результату). «Семантика инферентива соотносится с наблюдением результата ситуации, которое позволяет говорящему посредством ретроспективного умозаключения сделать вывод о том, что ситуация имела место» [14, с. 90].

Современные исследователи в ряду эвиденциальных также выделяют значение миративности. Под миративностью в нашем исследовании мы понимаем «указание на неожиданность действия, а также выражение удивления и восхищения при виде чего-либо или кого-либо (в том числе – наигранное)» [5, с. 247]. В лингвистической литературе долгое время (ад)миратив рассматривали в составе модальности. Также неоднократно ставился вопрос о прототипическом значении адмиратива [13]. Несмотря на определенные разногласия, большинство исследователей согласны в том, что адмиратив репрезентирует «неожиданное открытие».

Под эвиденциальностью в данной работе подразумевается функционально-семантическая категория, обозначающая источник получения информации. Известно, что «в тюркских языках данная категория является одной из ведущих категорий в их семантической системе» [6, с. 29].

Разные языки обладают разным набором языковых средств для выражения эвиденциальной семантики. Эвиденциальность «грамматикализуется во многих языках, и ее морфологические формы традиционно также называются наклонениями» [3, с. 53]

В данной работе мы рассмотрим средства репрезентации эвиденциальности в КБЯ в категориях времени и наклонения.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность темы исследования определяется отсутствием специальных исследований категории эвиденциальности в КБЯ, а также значимостью сопоставительного изучения своеобразия проявления данной языковой универсалии в языках мира.

Материал и методы исследования. Эмпирическая часть нашего исследования посвящена анализу темпоральных форм глагола как средств выражения категории эвиденциальности. В работе использованы описательный метод, метод контекстуального анализа и традиционный семасиологический подход «от формы к содержанию». В качестве источников фактического материала рассматривались произведения карачаево-балкарской художественной прозы, частично фольклорные тексты и разговорная речь. Примеры без ссылок взяты из полевых материалов автора данной статьи.

Результаты исследования и их обсуждение.

I. Темпоральные формы глагола как средство выражения эвиденциальности и миративности. «Одной из особенностей карачаево-балкарского глагола в рамках видо-временной системы является способность многих грамматических форм имплицировать в процессе функционирования семантику, обычно имплицированную другими грамматическими формами. Это различные транспозиционные формы времени и наклонения» [11, с. 155]. Материал многих языков также свидетельствует об определенной схеме взаимоотношений этих категорий. «Наклонение и время в этих языках рассматриваются как одна гиперкатегория “наклонения–времени”: нет двух порядков отдельно для наклонения и отдельно для времени, а есть один порядок для двух категорий» [4, с. 27].

Анализ практического материала позволяет говорить об аналогичной ситуации в исследуемом языке. Собственно финитные формы карачаево-балкарского глагола выражают временные значения или не выражают время. Это формы индикатива, императива и других косвенных наклонений.

Изъявительное наклонение в КБЯ представлено тремя формами: прошедшее, настоящее и будущее. Внутри настоящего времени можно дифференцировать собственно настоящее / актуальное время и несобственно-настоящее время. В выражении эвиденциальности участвует настоящее актуальное время, которое характеризует референта как непосредственного наблюдателя происходящего в момент речи / события:

Управлениени приставы олтургъан юйню арт къабыргъасына тагъылгъан Николай патчахны суууккъ кёзлери бла алайда олтургъанлагъа джийиргениб къарайды. Суратны тюбюнде таянчакъ шиндикде кёк схарладан тигилген джангы формасын кийиб джез тьюмелери джылтырай, олтургъанлагъа кенг мангылайын айландырыб, пристав чёгеди.

Аны келбетли чырайы, сабыр сёзлююлю, джумушакъ къарагъан кёзлери джангы таньшханни кесине дженгил илешидиреди. <...> Приставны биргесине юч таулу бла бир офицер кенгеш этиб олтургъанлы сагат болуб барады. Къыйирда олтургъан таулу, узунджаякъ адам, къыркъылгъан акъ сакъалын сюек таракъчикъ бла тюзетиб, кесин джарашдыра, сюзюлме хыйла кёзлерин приставдан айырмай, ыстымлаб къарайды. ‘С дальней стены приемной брезгливо на собравшихся смотрят холодные глаза Николая II. Под портретом, обнажив голову с высоким лбом, лицом к собравшимся сидит пристав в форме из голубого сукна с блестящими медными пуговицами. Его приятная внешность, тихий голос, добрые глаза сразу же располагают к себе собеседника. <...> Уже почти час, как вместе с приставом заседают трое горцев и один офицер. Сидящий с краю горец с узким лицом, не спеша расчесывая костяным гребешком коротко стриженную белую бороду, не отрывая взгляда своих плутоватых глаз, пристально смотрит на пристава’ [К. Д., с. 181–182].

Формы настоящего времени в этих примерах отражают действительность переживаемую, наблюдаемую, очевидную.

Формы несобственно-настоящего времени в исследуемом языке также могут транспонироваться, обогащая палитру модальности новыми оттенками, передавая оттенки внезапности и неожиданности (миратив): *Ол агъачны ичи бла бара тургъанлай, жанындан шырт деп бир адам чыгъады. ‘Когда он шел по лесу, со стороны вдруг выскакивает какой-то человек’ [Фольклор].*

Эвиденциальность, репрезентируемая в дискурсе посредством одного из операторов, дает возможность получателю информации «не только декодировать сведения с позиций достоверности / недостоверности, но воспринимать, хранить и передавать поступающую информацию, предварительно произведя ментальную оценку последней» [10, с. 3]: *Ана джюрек неге да тѣзе биледи. 'Материнское сердце все стерпит / умеет терпеть'* [К. Н., с. 235].

Инференциальное значение в данном случае эксплицируется посредством информации, полученной в результате умозаключения, основанного на жизненном опыте.

Прошедшее время в анализируемом языке представлено рядом форм, синтетических и аналитических. Семантика претерита, или недавнопрошедшего времени на *-ды*, очень ярко отражает сему прямой эвиденциальности:

Сыртда ургъан къаты джелни тылпыуу джетиб, мийик наратланы башларын силкиб, къарларын агъызды 'Сильный порыв ветра, раскачав макушки высоких сосен, стряхнул с них снег' [К. Н., с. 337]; *Кѣк къаты-къаты джаинаб, тау суучукъну ол джанында биттген бир наратны шыбла уруб бутакъларын ѳзенге къуйду. 'Громко грянул гром, молния, ударившая в стоящую на том берегу горной речушки сосну, опалила ее ветви'; Кѣкде булутлада джангур аны сакъаб тургъанча, шыбыла ургъан тауи кетер-кетмез челекден къуйгъанча, джангур къуюб тебреди. 'Как только стих гром, дождь, притаившийся в облаках, как будто ожидая этого, полил как из ведра'* [А. Х., с. 110].

Значение инферентива определяется как «указание на то, что наблюдается не само действие, а его результат» [7, с. 23]. В приведенных выше предложениях претерит обозначает прошедшее результативное действие, очевидцем которого был сам говорящий.

Прошедшее неочевидное время (плюсквамперфект) от причастия прошедшего времени на *-ган/ген*, помимо указания на отдаленное от настоящего времени действия, может содержать еще другие компоненты, например, инферентив, когда «говорящий делает вывод о ситуации, непосредственно наблюдая ее результат» [8, с. 90]: *Хасан аны бетине къарады: ол бек къартайгъанды. 'Хасан посмотрел на его лицо: он очень постарел'*.

Компонент «неожиданности» (миратив), когда описываемая ситуация оказывается для говорящего неожиданной, репрезентируется аналитической конструкцией с участием служебного глагола *кереме* «вижу» в значении «оказывается / выясняется»: *Урушха баргъанлы, джюрегинг къатыб къалгъан кереме. 'После войны сердце твое, оказывается, окаменело / зачерствело'*.

Как видим, инферентив в анализируемом языке выражается обычно формами прошедшего времени, но когда говорящий делает вывод о ситуации, непосредственно наблюдая ее результат, в языке употребляются также формы настоящего: *Да сен тамам да залимлеринден кереме* [Н. К.]. *'Да ты, как я погляжу / оказывается, один из самых отважных'*. *Адам десенг алайды ансы, биздеги бир къаум чарт-гуртланы не адамлыкълары барды. 'Вот это, я понимаю, человек. Не то что наши некоторые'* [Л. С.].

В подобных случаях не последнюю роль играют «сопутствующие элементы контекста: вводные слова, частицы, междометия» [9, с. 24]. В первом примере это частица *тамам*.

Анализ фактического материала свидетельствует, что экспликация эвиденциальности в исследуемом языке может также передаваться формами будущего времени, которые в наибольшей степени связаны со значениями, относящимися к модальной семантике, как, например, в следующем отрывке, где герой, любуясь прекрасным видом отраженного на глади моря звездного неба, размышляет о жизни на земле: *Ах, эки къанатым болса, учуб кетер этим. Джерде уа не барды? Кѣкдегиле бу къара джерде не таба болурла, алай сейирсиниб, джерге сукъланым турурча? Адам сезалмагъан, адам юренчек болуб кѣралмагъан бир зат болурму джерде? Огъесе адамны малсызлыгъын кѣрюб, бири селеке эте, бири да джазыкъсына, караб тура болурламы кѣкден джерге ай да, джудузла да? Алай болурму? Аны ючюн къача болурламы кѣк бауурундан танг аласында джарыкъ джуду-*

дузла? 'Ах, если бы у меня были крылья, я бы улетел на небо! А что здесь, на земле? Вот интересно, что здесь, на земле, притягивает звезды и луну, что они с таким интересом и завистью смотрят все время вниз? Может быть, на земле есть что-то, о чем люди не догадываются, а может быть, просто в силу привычки не замечают? А что если это действительно так? Может поэтому звезды с рассветом покидают небо?' [Н. К., с. 160]. Цепочка абдуктивных рассуждений в приведенном отрывке помогает герою найти основание для логического вывода: на земле есть что-то, о чем люди не догадываются.

В следующем примере факт заключения или вывода после внешнего наблюдения (инферентив) выражается аналитической формой будущего времени: *Кюн иги боллукъ болур, Мингитауну баши ачылыб, ёмюрлюк бузлагъа кюн таякъла тийиб, биленген къама джылытырагъанча, джылытырайды. 'День, наверное, будет хорошим: вершина Эльбруса ясно видна, ее вечные льды сверкают как отточенный кинжал под лучами солнца'* [А. Х., с. 98].

Таким образом, анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что прямое свидетельство связано с личным присутствием говорящего при описываемом событии или факте.

Кроме упомянутых выше форм индикатива, значение эвиденциальности в карачаево-балкарском дискурсе может передаваться формами косвенных наклонений.

II. Особенности выражения эвиденциальности формами косвенных наклонений.

В исследуемом языке не в полной мере выявлен семантический потенциал косвенных наклонений, недостаточно изучено взаимодействие категории наклонения с другими категориями подобного уровня.

Значение возможности в КБЯ выражается условно-уступительно-сослагательным наклонением, которое представлено двумя типами: синтетической формой на *-ca/se* и аналитической. Формы этого наклонения многообразны. На практике в составе этого наклонения можно встретить все временные формы изъявительного наклонения, осложнённые различными оттенками условного значения: *Ит болсакъ да, элибизде къансырбыз, бёрю болсакъ да, джерибизде улурбыз 'Даже если превратимся в собак, будем лаять в своем ауле, даже если превратимся в волков, будем выть на своей земле'* (= где родился, там и пригодился); *Аманга игилик етсенг, юйюнге сау бармазса. 'Нет худа без добра'. Ачха болса, бочха кёб. 'Были бы деньги, кошелки найдутся'. Атынг болса, джерингда болсун. 'Если будет лошадь, пусть будет и седло'. Байны къызы баймакъ болса да, тыбырда къалмаз. 'Дочь богача, если и хромяя, в девицах не останется'*. Степень осведомленности автора в этих высказываниях основана на конкретном жизненном опыте, знаниях и логике, что также вписывается в общую семантику инферентива.

Эвиденциальные значения могут выражаться в КБЯ и формами повелительного наклонения. Императив представлен в языке структурно-разнородными формами, объединенными рядом семантических и грамматических признаков. Структурная разнородность форм карачаево-балкарского императива, несомненно, сказывается на значении этих форм. Различные структуры обнаруживают значительные расхождения. Поэтому некоторые формы рассматриваются в отдельности в плане их содержания и функционирования.

Для передачи косвенной пересказывательности в КБЯ (кроме специальных форм 2-го и 3-его лица), используются цитативные показатели, которые дифференцируются в зависимости от цели высказывания, выраженного в цитируемой речи. Говорящий может указать на автора сообщения, однако в исследуемом языке слова, принадлежащие другому лицу, могут быть переданы без ссылки на автора, например: *Алмазгъа! 'Не обманывать!'*. Особенностью данной формы является то, что она не относится к определенному лицу и обычно бывает адресована обобщенному лицу. Но в зависимости от контекста она может быть направлена к конкретному лицу: *Сора ким алгъа келсе да, артда къалгъан аны къышына болурча азыкъ джыяргъа, дегенди. 'И предложил, чтобы отставший собрал запас пищи на зиму тому, кто придет первым'*. В данном примере для оформления

прямой пересказывательности используется аналитическая форма, сочетание целевого инфинитива и глагола речи *де*, который следует после самой цитаты (прямой или косвенной), образуя сложноподчиненное предложение. Выбор цитативных форм с глаголом речи *де* может эксплицитно передавать факт, что говорящий передает сведения, полученные из других рук: *Айт, – деди Къарча. ‘Говори, – приказал Къарча’; Чыкъ деди – ‘приказал выйти’; Сора келгенди дечи. ‘Значит, приехал, говоришь’.*

В некоторых случаях говорящий может цитировать и собственную речь: *Къоран кет дейме да! ‘Убирайся, я говорю!’; Кел барайыкъ дейме ‘Предлагаю пойти’; Огъай деме. ‘Я не отказываюсь’; Ауруп каласа дейме. ‘Боюсь, что ты заболеешь’.*

Наблюдения за употреблением глагола речи *де* показывают очень высокую степень его грамматикализации. Например, он может соединить действие с намерением: *Саулугъума къаратыргъа деп, Пятигорскеде санаторийге бардым. ‘Чтобы поправить здоровье, поехал в санаторий в Пятигорске’* [Л. С., с. 211].

Помимо рассмотренных выше в языке встречается еще одна форма с участием глагола речи *де* (*деп тур / деда тур*), репрезентирующая эвиденциальность, основанную на выводе: *Тур сен да, менден иги ким барды де да. ‘А ты думал, что нет никого лучше тебя. Вот и сиди теперь!’.* В этом примере в одном предложении совмещаются два эвиденциальных значения: в пересказ чужих высказываний вплетается элемент сарказма.

Анализ языкового материала свидетельствует о наличии в языке сложных случаев, когда эвиденциальные значения совмещаются с модальными и их трудно разграничить. Так, средства выражения эпистемической модальности могут содержать в себе компонент эвиденциальности, сигнализирующий о наличии косвенного или дедуктивного вывода, как, например, в следующих изречениях: *Кезю сокъурдан къоркъма, келю сокъургъа джортма. ‘Не бойся того, у кого глаза слепы, не беги к тому (бойся того), который слеп душою’; Озгъан ишни сюрюучю болма. ‘Не бегай за тем, чего не воротить’.* Такие случаи можно интерпретировать как инферентив, когда «<...> the speaker makes his / her statement based on a deduction from facts, and not on a direct observation of the action itself» [15, с. 193].

Анализ практического материала позволил нам выделить сравнительно незначительное количество высказываний со значением эмоциональной или скрытой эвиденциальности: *Бийнегер Къасымны къучакълаб, къулагъына айтды: аздан калдым ансы, къарнымы тартыб къоя эдинг. Къанамат пашот тартхынчы, сенсе деб джети джуклаб эсимде джокъ эди. ‘Бийнегер, обняв Касыма, прошептал ему в ухо: ты меня чуть было не убил (= ты мне едва не вспорол живот). Если бы Къанамат не чиркнул спичкой, мне бы и седьмом сне не приснилось, что это ты’* [А. Х., с. 267]; *Чегетни тюрюнде, кюн тиймеген себебли болур, ханс да джокъну орнундады. ‘В лесу, видимо, из-за отсутствия солнца, травы почти нет’* [К. Н., с.129]; *Къарча шаркъ деб эсине бир затны тюрюрдю. ‘Карча вдруг что-то вспомнил (= его вдруг осенило)’* [К. Н., с. 232].

Компонент неожиданности (миратив) в данных примерах представлен невербальными показателями ‘аздан калдым ансы’, ‘шырт деп’ и ‘кюн тиймеген себебли болур’, репрезентирующими эмоциональную эвиденциальность, смысл которой «можно выразить формулой: неожиданное, случайное обнаружение чего-либо и/или недоумение по поводу открывшихся фактов» [7, с. 25].

Выводы. Результаты нашего исследования свидетельствуют о наличии в карачаево-балкарском языке функционально-семантической категории эвиденциальности, ядерные значения которой выражаются через формы глагольных наклонений. Анализ практического материала подтверждает наличие в исследуемом языке следующих подвидов эвиденциальности:

- 1) экспериентив – говорящий делает вывод, непосредственно наблюдая ситуацию;
- 2) инферентив – говорящий делает выводы на основе перцептивного наблюдения или жизненного опыта;
- 3) презумптив – вывод о ситуации на основании логического сообра-

жения; 4) миратив – говорящий выражает изумление по отношению к действию, которое имеет оттенок результативности.

Результаты нашего исследования могут быть использованы для создания функционального синтаксиса исследуемого языка, а также при исследовании эвиденциальности в родственных языках.

Фактический материал исследования свидетельствует о наличии в языке специализированных форм для передачи эвиденциально-миративных значений. Это причастно-глагольные конструкции с модальными частицами, аналитические средства, образованные от служебных глаголов, эвиденциальные вводные показатели. Эти значения требуют отдельного внимания и являются объектом нашего следующего исследования.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- КБЯ – карачаево-балкарский язык.
А. Х. – Лайпанов Х. А. Кара кюбюр. – Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 340 с.
К. Н. – Кагиева Н. М. Къарча. Карач. – Черкесское книжное издательство, 1994 – 240 с.
Л. С. – Лайпанов С. З. Бырмамытны джыры. Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1987. – 280 с.
К. Д. – Кубанов Д. Х. Таулада тауш. Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1989. – 328 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баджанлы Э. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте (в сопоставлении с алтайским языком) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22. – М., 2005. – 209 с.
2. Ефремов Н. Н. Средства выражения косвенной эвиденциальности в якутском языке // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 152–156.
3. Ефремов Н. Н. Эвиденциальность в тюркских языках (на материале якутского языка) // Филологические науки. Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 4. – С. 329–331.
4. Каксин А. Д. О специфике средств выражения модальности и эвиденциальности (на материале хантыйского и русского языков) // Языки // Фольклор коренных народов Сибири. – 2018. – № 1 (35). – С. 25–34.
5. Каксин А. Д. Репрезентация эвиденциальности и миративности в хакасском языке: способы и средства // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 3 (40). – С. 247–249.
6. Каксин А. Д. Эвиденциальность как функционально-семантическая категория уровня модальности (на примере русского и хантыйского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. – 2010. – № 13 (194). Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 43. – С. 52–56.
7. Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. К вопросу о выражении эвиденциальных значений: инферентив, цитатив и адмиратив в русском языке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 2. – С. 22–30.
8. Кобрин О. А. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 1(004). – С. 86–98.
9. Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / отв. ред. В. С. Храковский. – СПб., 2007. – 634 с.
10. Козловский Д. В. Лексические средства передачи модальных параметров категории «эвиденциальность» // Язык и мир изучаемого языка : сборник научных статей. Вып. 2. – Саратов, 2011. – С. 140–147.
11. Кошева А. Ш. Функционально-семантическое поле модальности в разносистемных языках (на материале английского и карачаево-балкарского языков) : дис ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Нальчик, 2006. – 192 с.
12. Скрибник Е. К. К вопросу о неочевидном наклонении в мансийском языке (структура и семантика) // Языки коренных народов Сибири : сборник научных трудов. Вып. 4. – Новосибирск, 1998. – С. 197–215.
13. Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, адмиративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / отв. ред. В. С. Храковский. – СПб., 2007. – С. 600–632.
14. Шакирова Р. Д. Инференциальная эвиденциальность и ее разновидности в современном немецком языке // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 2-2. – С. 89–93.
15. De Haan F. The Place of Inference within the Evidential System // International Journal of American Linguistics. – 2011. – № 67 (2). – P. 193–219.

16. *Plungan V. A.* The place of evidentiality within the universal grammatical space // *Journal of pragmatics*. – 2001. – № 33. – P. 349–357.

17. *Willett T. A.* Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality // *Studies in Language*. – 1988. – Vol. 12 (1). – P. 51–97.

Статья поступила в редакцию 18.04.2020

REFERENCES

1. *Badzhanly E.* Kategoriya evidencial'nosti v tureckom yazyke v funkcional'no-semanticheskom aspekte (v sopostavlenii s altajskim yazykom) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.22. – M., 2005. – 209 s.

2. *Efremov N. N.* Sredstva vyrazheniya kosvennoj evidencial'nosti v yakutskom yazyke // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. – 2010. – № 1. – S. 152–156.

3. *Efremov N. N.* Evidencial'nost' v tyurkskih yazykah (na materiale yakutskogo yazyka) // *Filologicheskie nauki. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. – 2011. – № 4. – S. 329–331.

4. *Kaksin A. D.* O specifike sredstv vyrazheniya modal'nosti i evidencial'nosti (na materiale hantyjskogo i russkogo yazykov) // *Yazyki i fol'klor korennyh narodov Sibiri*. – 2018. – № 1 (35). – S. 25–34.

5. *Kaksin A. D.* Reprezentaciya evidencial'nosti i mirativnosti v hakasskom yazyke: sposoby i sredstva // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. – 2013. – № 3 (40). – S. 247–249.

6. *Kaksin A. D.* Evidencial'nost' kak funkcional'no-semanticheskaya kategoriya urovnya modal'nosti (na primere russkogo i hantyjskogo yazykov) // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Nauchnyj zhurnal*. – 2010. – № 13 (194). Seriya: Filologiya. Iskuststvovedenie. Vyp. 43. – S. 52–56.

7. *Kaksin A. D., Chertykova M. D.* K voprosu o vyrazhenii evidencial'nyh znachenij: inferentiv, citativ i admirativ v russkom yazyke // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universitetata. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*. – 2019. – № 2. – S. 22–30.

8. *Kobrina O. A.* Kategoriya evidencial'nosti: ee status i formy vyrazheniya // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. – 2005. – № 1(004). – S. 86–98.

9. *Kozinceva N. A.* Tipologiya kategorii zasvidetel'stvovannosti // *Evidencial'nost' v yazykah Evropy i Azii* : sbornik statej pamyati Natalii Andreevny Kozincevoj / otv. red. V. S. Hrakovskij. – SPb., 2007. – 634 s.

10. *Kozlovskij D. V.* Leksicheskie sredstva peredachi modusnyh parametrov kategorii «evidencial'nost'» // *Yazyk i mir izuchaemogo yazyka* : sbornik nauchnyh statej. Vyp. 2. – Saratov, 2011. – S. 140–147.

11. *Kosheva A. Sh.* Funkcional'no-semanticheskoe pole modal'nosti v raznosistemnyh yazykah (na materiale anglijskogo i karachaevno-balkarskogo yazykov) : dis ... kand. filol. nauk : 10.02.19. – Nal'chik, 2006. – 192 s.

12. *Skrjbnik E. K.* K voprosu o neochevidnom naklonenii v mansijskom yazyke (struktura i semantika) // *Yazyki korennyh narodov Sibiri* : sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 4. – Novosibirsk, 1998. – S. 197–215.

13. *Hrakovskij V. S.* Evidencial'nost', epistemicheskaya modal'nost', admirativnost' // *Evidencial'nost' v yazykah Evropy i Azii* : sbornik statej pamyati Natalii Andreevny Kozincevoj / otv. red. V. S. Hrakovskij. – SPb., 2007. – S. 600–632.

14. *Shakirova R. D.* Inferencial'naya evidencial'nost' i ee raznovidnosti v sovremennom nemeckom yazyke // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*. – 2010. – № 2-2. – S. 89–93.

15. *De Haan F.* The Place of Inference within the Evidential System // *International Journal of American Linguistics*. – 2011. – № 67 (2). – P. 193–219.

16. *Plungan V. A.* The place of evidentiality within the universal grammatical space // *Journal of pragmatics*. – 2001. – № 33. – P. 349–357.

17. *Willett T. A.* Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality // *Studies in Language*. – 1988. – Vol. 12 (1). – P. 51–97.

The article was contributed on April 18, 2020

Сведения об авторе

Косева Астра Шагабановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Северо-Кавказской государственной академии, г. Черкесск, Россия; e-mail: kosheva57@bk.ru

Author information

Kosheva, Astra Shagabanovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, North-Caucasian State Academy, Cherkessk, Russia; e-mail:kosheva57@bk.ru